

А. Попов

Православные русские акафисты

**Изданные с благословения Святейшего Синода,
история их происхождения и цензуры,
особенности содержания и построения**

УДК 291
ББК 86.3
П58

П58 **Попов А.**
Православные русские акафисты: Изданные с благословения Святейшего Синода, история их происхождения и цензуры, особенности содержания и построения / А. Попов – М.: Книга по Требованию, 2024. – 650 с.

ISBN 978-5-458-56377-2

ISBN 978-5-458-56377-2

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

митетовъ нѣкоторое число дѣлъ объ акаѣистахъ представляетъ собою сгруппированный матеріалъ. Но такихъ дѣлъ сравнительно не много. Въ большинствѣ распределение цензурнаго матеріала въ духовно-цензурныхъ архивахъ принято другое. Препроводительную при акаѣистѣ бумагу мы находили или въ пачкѣ: „Письма частныхъ лицъ“, или въ кипѣ: „Отношенія разныхъ учреждений“. Отзывъ о недостаткахъ акаѣиста находили въ общей связкѣ отзывовъ о всѣхъ рассмотрѣнныхъ цензурою книгахъ за извѣстный годъ. Въ кипѣ журналовъ засѣданій комитета мы находили указаніе на время, когда акаѣистъ разсматривался въ комитетѣ. Особую пачку бумагъ за тотъ или другой годъ представляетъ собою собраніе указовъ о рукописяхъ, поступившихъ на благоусмотрѣніе Св. Синода.

Считаемъ долгомъ привести глубокую благодарность—Первенствующему Члену Св. Синода, Высокопреосвященнѣйшему Антонію, Митрополиту С.-Петербургскому, оказавшему намъ нравственную поддержку при началѣ нашихъ занятій въ Архивѣ Св. Синода и въ архивахъ С.-Петербургскаго духовно-цензурнаго Комитета и Александро-Невской Лавры,—Высокопреосвященнѣйшему Арсенію, Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому, бывшему Казанскому Архипастырю, давшему средства редакціи журнала „Православный Собесѣдникъ“ на напечатаніе настоящаго изслѣдованія,—Преосвященнѣйшему Владиміру, Епископу Михайловскому, бывшему старшему о. цензору С.-Петербургскаго духовно-цензурнаго Комитета, оказавшему намъ поддержку при занятіяхъ въ архивѣ Комитета и двукратно давшему пріютъ на время занятій въ С.-Петербургѣ,—Преосвященнѣйшему Арсенію, Епископу Волоколамскому, Ректору Московской Духовной Академіи, разрѣшившему пользованіе рукописями Московскаго духовно-цензурнаго Комитета, хранящимися въ бібліотекѣ Московской Академіи,—о.о. членамъ и г.г. секретарямъ С.-Петербургскаго и Московскаго духовно-цензурныхъ Комитетовъ, — о. Архимандриту Никону,

VI

дозволившему пользованіе рукописями Свято-Троицкой Сергіевой Лавры,—г.г. И. А. Бычкову, А. С. Родоскому, В. А. Погорѣлову, К. М. Попову и др. лицамъ, оказавшимъ содѣйствіе при нашихъ занятіяхъ въ библіотекахъ и архивахъ.

Съ благодарной памятью упоминаемъ о покойныхъ: Преосвященномъ Борисѣ, Ректорѣ С. Петербургской Духовной Академіи, и А. Н. Львовѣ, бывшемъ начальникѣ Архива Св. Синода.

ВВЕДЕНІЕ.

Православный акаѳистъ, какъ особая форма церковныхъ пѣснопѣній, по матеріалу и строю своего содержанія, принадлежитъ къ области христіанской церковной поэзіи. Христіанская церковная поэзія представляетъ собою видъ поэзіи, возникшей по образцамъ священной поэзіи еврейской.

Основатель христіанства, Господь Іисусъ Христосъ, въ молитвѣ Господней преподавшій христіанамъ образецъ молитвы, не оставилъ образца новозавѣтныхъ пѣснопѣній. Во время послѣдней пасхальной вечери, когда Имъ было установлено таинство евхаристіи, Онъ вмѣстѣ съ апостолами воспѣлъ обычныя въ этомъ случаѣ ветхозавѣтныя пѣснопѣнія (Мѹ. 26, 30; Марк. 14, 26), т. е. псалмы Давидовы, и своимъ примѣромъ освятилъ ихъ употребленіе въ христіанской церкви. Св. апостолы въ богослужебныхъ собраніяхъ точно также назидали вѣрующихъ пѣніемъ псалмовъ и другихъ священныхъ пѣсней еврейскихъ. Въ вѣкъ апостольскій, на ряду съ употребленіемъ при богослуженіи псалмовъ и другихъ ветхозавѣтныхъ пѣснопѣній, начинаютъ употребляться и пѣснопѣнія новозавѣтныя.

Св. апостоль Павелъ въ посланіи къ Ефесянамъ, преподавая христіанамъ наставленія, между прочимъ пишетъ: *Πληροῦσθε ἐν Πνεύματι λαλοῦντες ἑαυτοῖς ψαλμοῖς καὶ ὕμνοις καὶ ᾠδαῖς πνευματικαῖς ᾄδοντες καὶ ψάλλοντες ἐν τῇ καρδίᾳ ὑμῶν τῷ κυρίῳ* — „исполняйтесь духомъ глаголюще себѣ во псалмѣхъ и пѣніихъ и пѣсняхъ духовныхъ: воспѣвающе въ сердцахъ вашихъ Господеви“ (Ефес. 5, 19. ср. Колос. 3, 16). Св. апостоль въ указанныхъ посланіяхъ къ Ефес. и Колос. различаетъ виды церковныхъ пѣснопѣній: псалмы, пѣнія и пѣсни духовныя.

Словомъ „псалмы“ онъ безспорно указываетъ на псалмы Давида.

Подъ пѣніями *ὕμνοι*, по объясненію преосвященнаго Филарета, архіепископа черниговскаго ¹⁾, профессора Е. Ловягина ²⁾, протоіерея Флоринскаго ³⁾ и А. Снегирева ⁴⁾ разумѣются *ὕμνοι πατέρων* — пѣсни ветхозавѣтныхъ отцевъ. Такова: благодарственная пѣснь Моисея, воспѣтая послѣ чудеснаго перехода евреевъ чрезъ Черное море: „Поимъ Господеви, славно бо прославися“ (Исх. 15, 1—19); обличительная пѣснь Моисея: „Вонми небо, и возглаголю“ (Второз. 32, 1—44); благодарственная пѣснь Анны, матери пророка Самуила: „Утвердися сердце мое въ Господѣ“ (1 Цар. 2, 1—10); вдохновенная пѣснь пророка Аввакума: „Господи, услышахъ слухъ твой и убояхся“ (Аввак. 3, 1—20); пророческая пѣснь о спасительныхъ плодахъ пришествія Христова пророка Исаи: „Отъ нощи утренюетъ духъ мой къ

¹⁾ Историч. обзоръ пѣснопѣвц. Филарета, арх. Черниговскаго. 2-е изд. Черниговъ. 1864 г. стр. 32.

²⁾ О формѣ греческихъ церковныхъ пѣснопѣній проф. Е. Ловягина. Спб. 1876 г. стр. 51.

³⁾ Исторія богослужебныхъ пѣснопѣній православной католической восточной церкви. Прот. Н. Флоринскаго. Кіевъ. 1881 г. 2-е изд. стр. 14.

⁴⁾ О богослужебной поэзіи древней греческой церкви до конца IV в. А. Снегирева. Харьковъ. 1891 г. стр. 8—9.

тебѣ, Боже“ (Исаи 26, 9—21); благодарственная пѣснь пророка Іоны, пробывшаго три дня во чревѣ китовѣ и пропѣтая по чудесномъ избавленіи: „Возопихъ въ скорби моей ко Господу Богу моему“ (Іон. 2, 3—10); пѣснь трехъ благочестивыхъ отроковъ, воспѣтая въ огненной печи вавилонской: „Благословенъ еси Господи Боже отецъ нашихъ“ (Даніил. 3, 26—45 и 52—90). Эти вдохновенныя пѣснопѣнія по своему духу и строю вполне родственны псалмамъ Давида.

Третью категорію пѣснопѣній, указываемыхъ св. апостоломъ, составляютъ *ὁδοὶ πνευματικαί*, пѣсни, записанныя въ книгахъ новозавѣтныхъ, но принадлежащія мужамъ и женамъ „стоявшимъ на рубежѣ Ветхаго Завѣта“ и составленныя въ духѣ и формѣ еврейской священной поэзіи: пѣснь пресвятой Дѣвы Маріи (Лук. 1, 46—55), пѣснь Захаріи (Лук. 1, 68—79) и Симеона (Лук. 2, 29—32) ¹⁾.

Библейскія ветхозавѣтныя пѣснопѣнія вообще были проникнуты духомъ пророчества и вѣрою въ имѣющее совершиться спасеніе людей и грядущее царствіе Божіе. Когда спасеніе людей Господомъ Іисусомъ Христомъ было совершено и царство Христово открылось, естественно, должны были явиться пѣснопѣнія христіанской церкви, воспѣвающія уже совершенное дѣло нашего спасенія и виновника его Господа Іисуса Христа (1 Тим. 3, 16; Еф. 5, 14), а также и пречистую Его Матерь и великихъ учениковъ Христовыхъ—св. апостоловъ, св. исповѣдниковъ, мучениковъ и другихъ новозавѣтныхъ праведниковъ.

Какой же характеръ и какую форму приняли самостоятельныя пѣснопѣнія христіанъ? Христіанскимъ пѣснопѣвцамъ предстояло взять за образецъ или классическую форму поэзіи, которая была господствующей въ греческомъ обществѣ, или библейскую—псалмопѣніе.

¹⁾ Проф. Е. Ловягинъ. О формѣ греческихъ церковныхъ пѣснопѣній, стр. 56. Энциклоп. Словарь Брокгауза и Эфрона. 50-й полут. стр. 922.

Они избрали послѣднее, какъ преданное пророками и освященное примѣромъ Господа и св. апостоловъ. Профессоръ Е. Ловягинъ въ своемъ трудѣ: „О формѣ греческихъ церковныхъ пѣснопѣній“ убѣдительно показываетъ, что христіанамъ удобно было для своего пѣснотворчества принять за образецъ священную еврейскую поэзію. „Еврейская поэзія, говоритъ онъ, по существу своему такого рода, что она свободно могла передаться другому языку, способному для этого, посредствомъ переводной формы, близкой къ подлиннику“ ¹⁾). Гибкость греческаго языка сдѣлала возможнымъ, что еврейская поэзія передала ему свою форму. „Переводъ LXX толковниковъ, говоритъ далѣе проф. Ловягинъ, составилъ эпоху въ исторіи греческаго языка, наполнивъ его еврейскими выраженіями и оборотами рѣчи, ветхозавѣтными фигурами словъ и комбинаціей понятій, а главное сообщивъ ему такой складъ по внѣшнему составу, что сами евреи въ Александріи и другихъ странахъ, забывъ свой еврейскій языкъ, пѣли псалмы Давидовы и оды отцовъ на этомъ греческомъ языкѣ, какъ на своемъ природномъ, со всѣмъ поэтическимъ одушевленіемъ“ ²⁾). Этотъ переводъ библіи былъ принятъ въ христіанской церкви и употреблялся при богослуженіи. Отсюда вполнѣ естественно должна была установиться преемственная связь греческихъ церковныхъ пѣснопѣній съ произведеніями священной еврейской поэзіи.

Христіане чутко различали разницу въ духѣ и складѣ той и другой поэзіи, библейской и классической. Вторая, возникшая и выросшая на почвѣ языческой, стала неудобопріемлемой для строгаго христіанскаго духа. Если и составлялись христіанами пѣснопѣнія, по своему построенію примыкавшія къ классическимъ, то такія произведенія предназначались

---

¹⁾ Проф. Е. Ловягинъ. О формѣ греческихъ церковныхъ пѣснопѣній, стр. 53.

²⁾ Ibid. стр. 54.

лишь для домашняго употребленія. Правда въ большемъ изобиліи произведенія, составленныя по образцамъ классической поэзіи, появлялись у еретиковъ, стремившихся тѣмъ привлечь народъ въ свои собранія, но они не вызывали сочувствія, а наоборотъ, встрѣчали противодѣйствія со стороны православныхъ отцевъ церкви ¹⁾. Христіане православные не только чуждались произведеній языческой поэзіи и признавали великое превосходство надъ ними псалмовъ и другихъ священныхъ еврейскихъ пѣсней, но даже при наименованіи своихъ церковныхъ пѣснопѣній избѣгали употребленія термина „гимнъ“, прилагавшагося къ пѣснямъ въ честь боговъ языческихъ, и обозначали ихъ словомъ: „псаломъ“ (1 Кор. 14, 26), что было разумно и вѣрно, такъ какъ новозавѣтныя церковныя пѣснопѣнія составлялись въ духъ псалмовъ.

Преосвященный Филаретъ, архіепископъ Черниговскій, сообщая свѣдѣнія о книгѣ Іустина *Ψαλτῆς*—пѣвецъ, говоритъ:.. „памятники древности показываютъ, что въ первыя времена христіанства словомъ *ψαλμὸς ψάλμα* означали не одни псалмы Давидовы, а и всякую христіанскую пѣснь, въ томъ числѣ и пѣснь, составленную христіанскимъ благочестіемъ. Слова *ὑμνοί, ὑμνολογεῖν*—обыкновенныя для означенія пѣсней во славу Божию, были опозорены языческимъ употребленіемъ, которое означало этими словами и пѣсни въ честь Цереры, Афродиты и другихъ ложныхъ, а иногда и гнусныхъ божествъ. Потому христіанское цѣломудріе, а вмѣстѣ и благоразуміе, употребляло для означенія похвалъ истинному Богу священныя слова *ψαλμὸς, ψαλμωδία* или *ὠδαί*, но никогда, или почти никогда слова—*ὑμνος, ὑμνολογεῖν*. Такъ видимъ у мужей апостольскихъ, такъ видимъ у христіанскихъ апологетовъ“ ²⁾.

¹⁾ Е. Ловягинъ. О формѣ греческихъ церковныхъ пѣснопѣній, стр. 12—14. А. Снегиревъ. О богосл. поэзіи, стр. 29—31.

²⁾ Истор. обзоръ пѣснопѣній. Филарета арх. Черниговск. 2-е изд. стр. 54—55.

Итакъ исторія церкви, говоритъ проф. Ловягинъ, „свидѣтельствуеть, что въ самомъ началѣ христіанства греческія церковныя пѣснопѣнія были формулированы отлично отъ древне-классической поэзіи: особенная форма ихъ сохранялась въ церкви, какъ преданіе апостоловъ и мужей апостольскихъ, и тщательно берегалась православными пастырями въ виду несогласной съ нею формы пѣсней языческаго міра, съ которымъ христіанство находилось тогда въ неблагоприятныхъ отношеніяхъ. Затѣмъ эта форма церковныхъ пѣснопѣній вошла въ твердый принципъ для православныхъ произведеній подобнаго рода, такъ что не смотря на обстоятельства, повидимому требовавшія ея измѣненія, удержалась и была какъ бы символомъ пѣснопѣній собственно церковныхъ и православныхъ, въ отличіе съ одной стороны отъ пѣсней назначенныхъ для частнаго употребленія, съ другой отъ принадлежавшихъ еретическимъ обществамъ. Потомъ, когда миновалась опасность отъ еретиковъ и когда повидимому можно было бы воспользоваться красотами классической обработки языка для достойнѣйшаго употребленія самыхъ этихъ красотъ на дѣло служенія истинному Богу, греческая церковь опять осталась при своей древней формѣ“¹⁾).

Такимъ образомъ мы видимъ, что пѣснопѣнія христіанскія—пѣсни по существу духовныя, какъ „плодъ обновленнаго духа и проникнутыя духомъ благодати“, при самостоятельности своего содержанія были по строю и поэтическимъ приѣмамъ сродны псалмамъ библейскимъ, а не классическимъ гимнамъ, ибо только псалмы и другія священныя пѣсни ветхозавѣтныя имѣли свойство духовности, — свойство особенно присущее пѣснотворчеству христіанскому.

Псалмы Давида и другія ветхозавѣтныя пѣснопѣнія, введенныя въ составъ христіанскаго богослуженія,

---

¹⁾ Проф. Е. Ловягинъ. О формѣ греческихъ церковныхъ пѣснопѣній, стр. 18—19.

женія, стали основой его. Христіанскіе пѣснотворцы, въ силу этого, ставили для себя какъ бы правиломъ—связывать свои творенія съ библейскими. Такъ, многія богослужебныя стихиры (напр. Анатолиевы и др.) имѣютъ тѣсную связь съ стихами священно-поэтическихъ произведеній библейскихъ. Тоже нужно сказать о богослужебномъ канонѣ. Создателей богослужебнаго канона озарила дивная мысль—создать такое сложное поэтическое произведеніе, въ которое входятъ, какъ отдѣльные члены, строфы, навѣяныя ветхозавѣтными пѣснопѣніями, взятыми изъ разныхъ вѣковъ ветхозавѣтной исторіи. Чрезъ посредство пѣсней канона мы переживаемъ пѣсенный духъ, настроенія и чаянія ветхозавѣтнаго избраннаго еврейскаго народа за продолжительный періодъ времени отъ выхода его изъ Египта до радостной встрѣчи св. Елисаветы съ пречистой Маріей, когда пресвятая Дѣва въ величественной пѣсни исповѣдуетъ совершившееся уже въ ней таинство воплощенія Сына Божія.

Имѣя тотъ или другой общій предметъ для пѣсеннаго прославленія, напр. воскресеніе Христово, рождество Спасителя, преображеніе Господне, успеніе Богоматери и т. д., канонъ въ извѣстномъ порядкѣ въ своихъ ирмосахъ воспроизводитъ мысли и чувства священныя пѣсней, прославляющихъ ветхозавѣтныя событія, которыя служили прообразомъ новозавѣтныхъ. Поэтому въ каждой пѣсни канона воспѣваемый предметъ раскрывается съ особой, новой стороны, и каждая пѣснь имѣетъ свой отгѣнокъ, соотвѣтствуя по содержанию и духу тому или другому ветхозавѣтному образцу. Богослужебный канонъ даетъ возможность христіанамъ пережить въ священно-поэтическихъ настроеніяхъ всѣ важнѣйшіе моменты ветхозавѣтнаго домостроительства Божія, воспринять сердцемъ чаянія будущаго спасенія и радость исполненія этихъ чаяній.

Первыя три пѣсни канона (двѣ пѣсни Моисея и одна Анны, матери пророка Самуила) отражаютъ въ

себѣ священно-поэтическое настроеніе еврейскаго народа въ древнѣйшемъ періодѣ его исторіи, до царей. Четвертая, пятая и шестая пѣсни канона, навѣяныя пророческими гимнами пророковъ Аввакума, Исаи и Іоны, заключаютъ въ себѣ чаянія лучшихъ сыновъ Израиля въ періодъ существованія у нихъ царей (800—600 гг. до Р. Х.). Седьмой и восьмой ирмосы являются отзвукомъ пѣсней трехъ благочестивыхъ отроковъ, друзей Даніила, вверженныхъ въ огненную печь въ Вавилонѣ. Это былъ уже моментъ, когда въ пророчествѣ Даніила о семидесяти седминахъ (Даніила 9, 24—27) было точно опредѣлено время осуществленія ветхозавѣтныхъ чаяній, т. е. явленія Спасителя. Наконецъ, въ девятомъ ирмосѣ, вызванномъ величественною пѣснію пресвятой Дѣвы, излившеюся въ отвѣтъ на привѣтствіе св. Елисаветы, мы переживаемъ исполненіе чаяній, осуществившуюся духовную радость о Богѣ, Спасѣ нашемъ.

Существенныя черты строя священной еврейской поэзіи обусловливаются особымъ положеніемъ евреевъ среди другихъ народовъ древняго міра. Предоставивъ народы міра свободному развитію въ своей религіозной и нравственной жизни по прирожденнымъ человѣческой природѣ законамъ совѣсти (Римл. 2, 14, 15), Господь выдѣлилъ народъ еврейскій изъ ряда другихъ племенъ и возложилъ на него подвигъ сохранить въ челоуѣчествѣ истинную вѣру, истинное богопочтеніе и богописанный законъ. Въ то время какъ мысль и стремленія другихъ народовъ были направлены на цѣли мірской жизни, и они достигали земного преуспѣянія, внѣшняго процвѣтанія, политическаго могущества, сфера жизни и дѣятельности еврейскаго народа, обреченнаго на временную духовную изолированность и одинокость, была по преимуществу религіозная. Имѣя истинное вѣдѣніе о Богѣ единомъ, какъ Существѣ Высочайшемъ, всемогущемъ и всесовершеннѣйшемъ, и получивъ совершенный законъ нравственный, народъ еврейскій, какъ народъ избранникъ, при всѣхъ своихъ паденіяхъ,